

ПАТКУЛЬ Андрей Борисович / Andrew PATKUL

| Презентация книги Валерия Владимировича Савчука «Топологическая рефлексия» |

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА САВЧУКА «ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ» (РЕТРОСПЕКТИВА В РЕЖИМЕ АКТУАЛЬНОСТИ)

1 мая 2012 года Исследовательским Центром Медиафилософии в галерее «Борей» (Литейный пр., 58) была проведена презентация книги Валерия Владимировича Савчука «Топологическая рефлексия» (Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 416 с.). Многочисленные отклики на книгу, прозвучавшие в тот день в галерее, со временем обратились в тексты, которые Центр Медиафилософии и публикует сегодня на страницах Международного журнала исследований культуры.

BookReview: Valery V. Savchuk's "Topological Reflection" (a Retrospective on the Mode of Relevance)

The Media Research Center (Department of Philosophy, St. Petersburg State University) presented Valery Savchuk's book "The Topological Reflection" on May 1, 2012 at the Borey Art Gallery. Numerous responses and reviews of the book expressed on this day are presented here.

Key words: *philosophy of space, topos, reflection, book, Valery Savchuk*

Ключевые слова: философия пространства, топос, рефлексия, Валерий Савчук

ПАТКУЛЬ Андрей Борисович / Andrew PATKUL

*Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Философский факультет. Кафедра онтологии и теории познания.
Ст. преподаватель, кандидат философских наук.*

*Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.
Department of Ontology and Theory of Knowledge.
Assistant Professor, Scientific Associate, PhD*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТОПОСА

Прежде всего, мне хотелось бы сердечно, по-человечески поздравить проф. Савчука с выходом книги «Топологическая рефлексия». И уже потом перейти к разговору относительно его идеи топологической рефлексии. Так вот, по поводу только что сказанного Валерием Владимировичем о моем принципиальном противостоянии его позиции, у меня есть одно маленькое сомнение. А именно, проф. Савчук часто хочет представить меня как радикального критика и даже ниспровергателя его начинаний в философии (см. С. 14 «Топологической рефлексии»).

На самом деле, это не так или не совсем так. С концепцией Валерия Владимировича я — в основных ее пунктах — как раз согласен. Я думаю, что им уловлена некая тенденция, которая уже начинает определять сегодняшнее понимание философии и ее задач — обращение к пространству, месту. (можно сравнить, например, переориентацию идеи феноменологически понятого опыта с горизонта времени на пространство у В.И. Молчанова). И я полагаю, что тенденция эта — не нечто случайное, не веяние моды, а выражает что-то важное, что, быть может, мы

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ШЕВЦОВ Константин Павлович / Konstantin SHEVTSOV

| Сопротивление рефлексии |

еще полностью для себя не открыли, в трансформации философии. И я уверен, что работа, проделанная проф. Савчуком, будет способствовать достижению адекватности в подобном открытии. Действительно, философская мысль теперь уже не может позволить себе быть бесплотной, неуместной, говорить от лица некоей безличной инстанции, представляющей собой пустую всеобщность. И тем более не может она пользоваться фокусами в духе Гегеля, показывая, что частность — это всего лишь инобытие такой всеобщности, в которой она себя конкретизирует. Актуализация философии происходит всегда здесь и теперь, этим вот взявшим на себя ответственность личного усилия философствования индивидом, принадлежащим некоторому месту. Сам топос и осуществляется в философствовании, находит себя в нем. Но вопрос, который мне, как приверженцу понятого в широком смысле трансцендентализма в философии, хочется все же адресовать топологии проф. Савчука, состоит в следующем. (Причем я всерьез говорю здесь о топологии именно в философском, строго метафизическом смысле, который не обязан как-то перекликаться с математическим значением этого слова или какими-то другими однокоренными терминами из других областей знания. Честно говоря, в такой междисциплинарности, если угодно, междисциплинарной расхожести, мне ничего, кроме дурного тона, не видится). Так вот вопрос топологии Савчука можно было бы сформулировать так: «Что дает право каждому топосу в его отдельности претендовать на выражение существенного?». Что задает его уникальность и значимость для философии, поскольку без претензии на выражение существенного нет и не может быть никакой философской значимости? Я не говорю при этом о «всеобщем», но только о «существенном». «Только конечная личность, осуществляющая рефлексии, способна к топологическим формам, идущим от тотальности к локальности, означающее того, что в своей конечности человек способен постигнуть бесконечное» (с. 302). Концепция Валерия Владимировича, на мой взгляд, ставит под вопрос и логическую корреляцию понятий всеобщего и существенного, которые мы привыкли перечислять в

одном ряду, через запятую, как будто это синонимы или очень близкие друг другу слова. Но позиция топологической рефлексии демонстрирует, что такая связь терминов не необходима, что всеобщее может не быть существенным, а существенное — всеобщим. Поэтому вопрос можно повторить и в такой формулировке: «Как уникальное оказывается способным достигать существенное и выражать его?» В самом деле, о чем мы говорим, когда речь заходит о топосе философствования — об эмпирических обстоятельствах биографии философа, его вкусах и предпочтениях, которые сформировались не без влияния того географического и культурного пространств, в которых тот как философ сформировался. Можем ли мы, подобно тому, как говорим, что существуют московская и петербургская фортепианные школы или, что существует петербургская и московская языковая норма, а также футбольные клубы «Зенит» и московские «Динамо» и «Спартак», говорить о существовании московской и петербургской философий или, по меньшей мере, школ философии? Так, что философия различалась бы так же, как различаются фортепианная техника или стиль футбольной игры? Очевидно, что простая эмпирическая фактичность, случайность не могут иметь здесь отношения к существенному. Место в философском смысле должно быть местом в каком-то совершенно особом смысле этого слова. И этот смысл, я полагаю, еще придется прояснить. Поэтому, говоря о топологии в философии или, в частности, о топологической рефлексии, мы предварительно должны спросить себя, отчасти повторяя вопрос Хайдеггера «Каким образом бог приходит в философию?», каким образом место, топос приходит в философию, т. е. оказывается способным из своего, приватного представлять существенное. Я прошу прощения за каламбур, но следует прояснить, из какого места в его трансцендентальном смысле может вести собственно философскую речь приватность топоса; как различные топологические определения, вполне эмпирические и фактические, становятся, если угодно, фигурами философии. Уверен, что это весьма интригующая перспектива для дальнейших исследований Валерия Савчука. Спасибо за внимание!

ШЕВЦОВ Константин Павлович / Konstantin SHEVTSOV

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Философский факультет. Кафедра онтологии и теории познания.

Ст. преподаватель, кандидат философских наук.

Научный сотрудник Исследовательского Центра Медиафилософии.

Russia, St. Petersburg.

St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.

Department of Ontology and Theory of Knowledge.

Assistant Professor, International Centre of Mediaphilosophy, Scientific Associate, PhD.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФЛЕКСИИ

Хотел бы поприветствовать появление книги Валерия Владимировича как заявку на совершенно новый уровень философской власти, как включение в спор по поводу настоящего фундаментальных вопросов философии. Знание

себя знающим — едва ли не центральная проблема философии. Это и проблема метода, и проблема институционализации философии, и даже проблема оправдания философии, своего рода идеология философии.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ИСАКОВ А. Н. / Alexander ISACOV

| Как можно думать не думая |

Сам термин, вокруг которого выстраивается вся книга, термин «рефлексия», появляется достаточно поздно, в традиции Нового времени. Он призван удостоверить позицию мыслящего, придать ей внутреннюю состоятельность. При этом за ним стоит еще и фигура Cogito, то есть идея автономной, производящей себя мысли. Собственно, рефлексия и есть складка этой производящей себя мысли, которая определяет возможность для единичного ума сего единичными актами стать участником всеобщего совершения мысли и знания. Этот акцент на единичность важен с момента введения термина, но лишь в настоящее время он приобретает первостепенное значение и возвращается в концепции Валерия Владимировича уже как свидетельство топоса, в качестве топологической рефлексии. Место, как мы знаем из Аристотеля, — это граница объемлющего тела. Но это всегда и внешняя, и внутренняя граница, и место подчинения всеобщему, и место сопротивления, внутренней неделимости. Иными словами, это место, которое предполагает взаимное признание и продолжение одного в другом. Образец подобного отношения, как мне кажется, Валерий Владимирович находит в архаичном космосе, где как в «Фе-

дре» Платона мировая душа правит миром, но при этом каждая душа является самодвижущим началом, то есть каждая является не только подчиненным единичным, но также и соправителем всеобщего. В этом же ряду Валерий Владимирович помещает и практики перформанса с их архаической драматургией.

Рефлексия — это отраженный луч, и хотя он возвращается назад к источнику, но привносит всю меру пройденного пути, и, конечно, книга Валерия Владимировича сама является таким свидетельством проделанного пути мысли, обладающей как общей значимостью, так и своим особым обликом, с узнаваемыми следами пройденных этапов, уже завершенных текстов и прожитых мыслей.

В заключение можно было бы сказать, что человек в конце концов и есть всего лишь блуждающий луч рефлексии, который ищет собственное место, чтобы преломление света позволило очертить мгновенную плотность его особого существования. Будем надеяться, что благодаря книге Валерия Владимировича у нас появится еще одно место рефлексии, еще один способ находить себя и быть собой.

ИСАКОВ А. Н. / Alexander ISACOV

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Философский факультет. Кафедра философской антропологии.
Ст. преподаватель, кандидат философских наук.

Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.
Department of Philosophical Anthropology.
Associate Professor, PhD.

КАК МОЖНО ДУМАТЬ НЕ ДУМАЯ?

Я нахожусь на пути постижения этого текста. Что тоже интересно, так как путь это всегда есть путь со-размышления. Но в большей степени, мне бы хотелось сегодня сделать акцент на самой личности автора. Есть такой замечательный фильм-детектив «Самурай», где играют Ален Делон и Франсуа Перье. Перье — комиссар полиции, которому младший инспектор постоянно задает вопрос: «Что вы думаете по этому поводу?», на что комиссар неизменно отвечает: «Я никогда не думаю». И таким образом демонстрирует уровень своего профессионализма. Профессионал это тот кто не думает, но всегда знает, что надо делать. Так вот, Валерий Савчук, достиг такого профессионального уровня, когда можно не думать. Здесь вспоминается высказывание Агамбена — именно благодаря тому, что мысли присуща возможность не думать, она может обращаться к самой себе, к своей собственной чистой возможности, становясь мыслью мысли в своей наивысшей точке т. е. это не только способность быть, играть, но и способность не быть, в своей особой оригинальной манере. Часто он думает телом подобно Дитмару Камперу, который как никто другой до конца продумывал опыт мышления тела (KörperDenken), что согласно ему означает «не о теле думать — по определённым абстрактным образцам, а

телесно думать»¹, схватывая и удерживая две противоположные возможности: мышление телом (родительный объект) и мышление самого тела (родительный субъект). Телесно думать, это думать еще из топоса и по поводу топоса. Рефлектировать.

Вторая мысль, которая у меня появилась при знакомстве с книгой, касается Бога. Топос и Бог связаны. Так, еще Шеллинг писал: «поскольку в Боге есть независимая основа реальности и поэтому два одинаково вечных начала самооткровения, то Бога в его свободе следует рассматривать в отношении к обоим этим началам. Первоначало в творении есть стремление единого породить самого себя, или воля основы. Второе начало есть воля любви, посредством которой в природу изрекается слово и посредством которой Бог только и делает себя личностью. Поэтому воля основы не может быть свободна в том смысле, в котором свободна воля любви. Она не есть свободная или связанная с рефлексией воля, хотя не есть и воля, полностью бессознательная, движимая слепой механической необходимостью, но нечто среднее, подобно вожделению или стремлению, и ближе всего она к прекрасному порыву становящейся природы»². Именно не-

¹ Kamper D. Ultra // Paragrana. No. 7 (2). 1998. S. 276.

² Шеллинг Ф.В.И. Философские исследования о сущности человеческой свободы // Шеллинг Ф. В. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

СУХАЧЕВ Вячеслав Юльевич / Vyacheslav SUHACHEV

| Топос — место силы |

устраняемая материальная природа мысли, видимо, проявляется в топологической рефлексии Валерия Савчука, который приходит к экстравагантному выводу: «Чем чище рефлексия, тем более загрязнена окружающая среда, а чем последовательнее воплощаются идеалы, тем более тираничный и тоталитарный порядок — создают их приверженцы» (с. 330).

Третья, задевшая Сергея Леонидовича Фокина, мысль автора: «Понять чужую мысль гораздо проще, чем собственный топос, тем более внятно и последовательно заявить о его интересах на философском языке» (с. 248). Речь идет о некритическом доверии чужой мысли и, одновременно, игнорировании про-

блем своего топоса. Не могу не отнестись к этим положениям автора соразмерно.

И, наконец, война, которая «отец всего». У Савчука интересные размышления о Геродоте: «заслуга которого не в обосновании положений о преимущественном влиянии тех или иных факторов на историю и нравы людей (таковых положений у него не было), а в совокупности собранных им конкретных примеров и историй того, почему велась та или иная война. И как часто бывает, отступление, побочное основному замыслу: причин возникновения войн, — со временем становится основным» (с. 187). Говоря о войне Геродот говорил о самом главном, то есть обо всем существенном.

СУХАЧЕВ Вячеслав Юльевич / Vyacheslav SUHACHEV

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Философский факультет. Кафедра философской антропологии.
Доктор философских наук, профессор.

Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.
Department of Philosophical Anthropology, PhD

ТОПОС — МЕСТО СИЛЫ

Топологическая рефлексия может стать контраверзой всему XX веку. Что приятно, это говорит о новизне, новаторстве автора, и в то же время книга очень традиционалистская. Вспомните слова Александра Кожеева в «Идеи смерти в философии Гегеля», когда он пишет о том, что есть два сценария в истолковании человека: первый — античный, топологический, второй — христианский, принципиально темпоральный. И, в этом смысле, избывание универсализации темпоральных кодов всегда предстает обращением к логике топологии, предполагающей трансформацию и эпистемических правил, и логики мышления, и этосных стратегий, благодаря чему мы втягиваемся в интеллектуальный поиск совершенно иного рода. Однако это вовсе не *déjà vu*. Скорее, ситуация напоминает ницшеанское «возвращение подобного» [die ewige Wiederkunft des Gleichnis], — сегодня мы возвращаемся к теме топичности, которая провокативна для нашего мышления, и благодаря этой провокации попытки концептуализации топологического видения раскрывают новые тематические горизонты и неизбежно требуют новых концептуальных рядов. Однако было бы совершенной теоретической наивностью утверждение, что мы втянулись реактуализацию античных концептуальных матриц, — скорее, речь идет о расчистке, как писал Ницше, «блистающих оснований» нашего сегодняшнего мышления, оснований-*arkhe*, «властвующих начал» философского опыта мышления.

Стоит сразу провести понятийную между: есть понятие пространства, *spatium*, которое сложилось в XVII веке, отсылающее к гомогенности и изотропности. Греки понятия пространства не знали, — у них было понятие хоры и понятие топоса. Что же такое хора? При первом приближении допустимо говорить о такой топологической формации, где пестуется, взращивается образ-эйдос, с которым, в свою очередь, сама «формация»

сущего отнюдь не совпадает. Соседствующие хоры мы можем назвать топосами, — между ними разрывы лакуны, из которых вырываются дюнамисы-силы — это и есть хаос.

Я очень внимательно, конечно же, посмотрел в «Топологической рефлексии», в особенности, «места», касающиеся Аристотеля — моего любимого «актуального философа». И, я думаю, в книге упущен тезис Аристотеля о том, что каждый топос несет в себе какую-то силу [Аристотель. Физика. Кн. IV, 208 b 10–11]. Впрочем, отзвук этого тезиса можно обнаружить в многочисленных концептуальных резонансах европейской философии именно в те моменты, когда она обращается к бытийности (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Гегель и т. п.). Поэтому топология не представляет собой никакой аналогии с геометрией, исходящей из представления о пространстве как «вместилище» вещей, — речь идет именно о чисто силовом понимании, о геодезии сил. Профессор Савчук, фактически, возвращается к античному утверждению о топологичности логоса «Урок Аристотеля в том, что топос это не плоскость, а объем, это не просто место среди вещей, но правило аргументирования и убеждения ... Топос объединяет место и дискурс, и географические особенности места, и способы коммуникации, и осуществления власти» (с. 300), что и заставляет нас истолковывать логос как сгустки, конденсаты, комплексы [com-plex] сил, которые налагают и обязательства на существ, попадающих в тот или иной топос, включенный всегда и неизбежно в иерархическую по своей сути топологию. В «Тимее» Платон говорит: мы можем обрести эйдосы бытия за счет опыта мышления. Прекрасно! Но есть другое измерение — это сущие, рождающиеся, умирающие, враждующие между собой, и доступ к ним дает эстезис, чувствование, порождающее доксу. Однако между ними есть третье измерение, «третий род» [triton genos] —

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич / Alexey IVANENKO

| Топологическая рефлексия в исторической перспективе |

это хора. Она нам не дана в чувствовании, мы не можем придти к ней логически, она дана нам иллогически, за счет сбоев логики [logismo notho], — парадокс как раз и состоит в том, что «распад» логики выталкивает нас в топологию. Так, например, мы говорим известные слова, произносим известные вещи, но когда мы попадаем в особого рода топос, на общепринятые смыслы, слова, вещи вдруг налагается табу, — это табу на универсальный узус, на универсальную прагматику, не знающих мест, но в результате неуместности этой «общепринятости» мы впервые начинаем ощущать границы, о-пределенность топоса, которые навязывают контуры смысла, слова, фигуративность поступания. Книга профессора Савчука «Топологическая рефлексия» движется именно по этому теоретическому маршруту, и в этом ее удача.

В первую очередь она втягивается в новый тематический репертуар, требующий нового концептуального ряда. Что меня, конечно, не устраивает в концептуальной артикуляции топологии, так это — рефлексия, размышляющая о «топологи-

ческой репрезентации». Естественно, я понимаю «нежно-участливое интимное» сопresутствие автора с репрезентацией: фотография, образ и т.д. Однако если мы говорим о топологии, то в этом концептуальном поле «репрезентации» быть не может. Топология говорит: пестуй! — ибо chora никогда не совпадает с образом-эйдосом, возвращаемым в ней. Так, безумный ювелир Платона берет золото, бросает его в тигль, отликает формы: браслеты, ожерелья, серьги, а затем сбрасывает все созданное обратно и плавит его, — это и есть хора, которая «вскармливает» образы, не совпадая ни с одним из них.

Думаю, наш уважаемый автор Валерий Савчук прислушается к этим замечаниям. Пусть он пребывает в «хоре», чтобы созданный им образ-эйдос в книге «Топологическая рефлексия» не подавил, не поглотил его, и пусть ему будут даны силы-дионамисы, дабы он был способен встретить, принять и «вскормить» новые эйдосы, ведущие к новым топосам.

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич / Alexey IVANENKO

*Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет растительных полимеров,
Кандидат философских наук, доцент.
Научный сотрудник Исследовательского Центра Медиафилософии.*

*Russia, St. Petersburg.
International Centre of Mediaphilosophy, Scientific Associate.
Saint Petersburg State Technological University of Plant Polymers, Associate Professor. PhD*

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Тема топологической рефлексии представляет интерес в контексте изучения современной петербургской, российской и, шире, постсоветской философии. Данный термин был предложен петербургским философом В.В. Савчуком в 2003 году. Неподготовленный гуманитарий может повергнуться в шок от квазиматематического понятия, поскольку синонимом топологической рефлексии может оказаться асимптотическая перцепция. Тем не менее, термин топос не приватизирован математикой всецело. Еще Аристотель писал работы по топике. Кроме того, в современном российском контексте очевидно, что мышление уже не имеет права быть утопическим, т. е. несбыточным и лишеным места. Оно отныне должно быть топическим и топологическим, т. е. уместным.

Поскольку наше мышление необходимо мыслит различиями и бинарными оппозициями, то все постигается через свою противоположность. Для В. В. Савчука противоположностью топологической рефлексии является оптическая рефлексия — синоним классической рациональности, кантовского чистого разума и спинозистской установки смотреть на все с позиции вечности. Оптическая рефлексия оперирует метафорой света (в т. ч. и Фаворского), иллюминации и Просвещения. Свет невещественен, он разрушает суеверия и насаждает тяжеловесные хитросплетенные учения («чутье свет...»).

Уже в XIX веке чопорное Просвещение сменила радикальнейшая эпоха хтонического угля и пара. Собственно, в 21 веке, сменив уголь на нефть и уран, мы продолжаем жить в эту постклассическую эпоху. Истоки топологической рефлексии можно найти в марксистской гносеологии, которая утверждала ситуативность и относительность познания, а также указывала на его материальную (по сути, топологическую) детерминацию. Нет истины вообще, есть истина для пролетария и есть истина для буржуа. Пролетарий и буржуа — суть топосы, места социального порядка, которые формируют сферу трансцендентального.

Даже само мышление рефлексивно в буквальном смысле — оно является рефлексом, утонченной реакцией на воздействия внешней среды. Собственно, топологическая рефлексия возвращает мышление на ту почву, из которого оно само и произрастает. Конечно, сам марксизм создает лишь предпосылки, но не саму топологическую рефлексю. Более существенной предпосылкой, если не первой версией топологической рефлексии является герменевтический метод, в котором каждый текст истолковывается из контекста. Герменевтический контекст онтологически постигается как топос — условие мышления. Так что, без топоса нет логоса.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ЛЕНКЕВИЧ Александр Сергеевич / Alexander LENKEVICH

| D-версия |

ЛЕНКЕВИЧ Александр Сергеевич / Alexander LENKEVICH

Россия, Санкт-Петербург.

Научный сотрудник Исследовательского Центра Медиафилософии, неомеханицист

Russia, St. Petersburg.

International Centre of Mediaphilosophy, Scientific Associate

D-ВЕРСИЯ?

Согласно мысли Милорада Павича, «место того, кто уходит, никогда не остается пустым». Возможно, поэтому на банкетах, фуршетах и празднествах, сколько бы ни было приглашенных, всегда можно протолкнуться: топос требует солидарности, а солидарность проявляется в тактильной близости и плотности момента. Выражая свое удовольствие от знакомства с «Топологической рефлексией» Валерия Владимировича Савчука, прежде всего, хотелось бы обратить (дез-ориентировать?) мысль с проблемы топоса на проблему воображения, а точнее на возможность (не)соразмерности воображения тела и топоса. В этом шаге есть шанс наряду со сходствами обрести и различия, ибо, как отмечает Пьер Адо, различия и толкования «могли бы составить питательную почву для диалога».

Первый шаг и, подобно отдаленному эху тела, первая строка сопряжены как с интенсивностью мысли, так и с непредсказуемостью пространств, вещей и слов, осваиваемых в их свершении. Вершить судьбу воображения в отрыве от топоса также неуместно, как и распутывать лабиринт путей мысли вне контекста тела и образа. В некотором смысле сказанное переключается с размерностью интонации, рождаемой в терниях географических и геополитических перекрестий прицельно ориентированных конфигураций (поз?) порядка топологической рефлексии: «...топологическая рефлексия, возвращающая искренность истине, уместна: она всегда уместна» (С.182). И далее: «...подлинная рефлексия топоса резонирует с моим предчувствием, убеждает точною выражения и обладает энергией образов впечатлять» (С. 183).

Впрочем, как и всегда, в трудоемком процессе пере-до-заосмысления нет ничего фатальнее перехваченной в цитации тональности и тембра, фокуса и определенности чужеродных разверток мысли — тем более, что, как правило, они формируются по ту сторону кончика пера. Мысль, делающая упор на той или иной акцентуации письма, рискует прослыть тоталитарно-заносчивой и даже — занудной, однако стоит проговаривания не только (и возможно, не столько) подкрепляюще-укрепляющая, консолидирующая интуиция, а возможность разрыва, расставания и размежевания с оной. Как известно,

вопросы прощания-расставания — самые сложные для артикуляции, а значит, вызывают к детализированной конверсивной (де-версионной?) подготовке.

Нельзя не отметить вариационную возможность топоса во владениях воображения: вопреки ближайшему (очевидному и наивному) рассмотрению обращение к топосу (и обращение топоса) не обладает гомогенной и нейтрализованной природой. Скручиваясь и раскручиваясь, сжимаясь и растягиваясь топос тем далее о(т)страняется от субстанциально-субъектных философских интенций, монументальности и тотальности рефлексий всепоглощения и даже, нарушая, казалось бы, правило собственного обнажения и обнаружения, скрадывает инвестиции искренности (старой и новой), рассеивает эффекты телесной ментальности в пользу моментальности, рассекает заскоружные линии своих границ, чем интенсивнее сближается с тактильностью образа, осваивает взрывоопасные ресурсы воображения тела, иницирующего поиск новых вариаций, концентраций, конвертаций и концертаций топоса. Впрочем, эта мысль не нова и для исследований, направленных на внимательное прочтение места, что находит подтверждение в книге Валерия Владимировича: «...топологическая рефлексия, или рефлексия топоса, корректируется каждый раз, когда меняется размер топоса, переопределяются его границы» (С. 181). Однако, радикально новое ощущение места и контрапункт размежевания с ним приходит в следующей формулировке: соразмерность топоса и воображения тела возникает не на их границе, а внутри последнего. Место струится потоками тела, подвергаясь изменчивости, мутации, коллапсации, переориентации, а не само тело (или его рефлексия) подстраивается под определенность места, инкорпорируется в пространство. Т. е. пространство (окрестное и дальнее), топос, можно сказать, и земля, включены, встроены, влиты в течение, стремнины, водовороты, водопады и пороги плоти, в реку воображения тела.

Суммируя сказанное, хотелось бы отметить, что воображение тела выступает за топос и против. Всегда можно «протолкнуться».

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

КОЛЕСНИКОВА Дарья Алексеевна / Daria KOLESNIKOVA

| Экопарадигма топологической рефлексии |

КОЛЕСНИКОВА Дарья Алексеевна / Daria KOLESNIKOVA

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Философский факультет. Кафедра культурологии.

Кандидат философских наук, ассистент.

Научный сотрудник Исследовательского Центра Медиафилософии.

Russia, St. Petersburg.

St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy, Department of Cultural Research.

Scientific Associate, PhD. International Centre of Mediaphilosophy

ЭКОПАРАДИГМА ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Хотелось бы выразить Валерию Владимировичу особую признательность за актуализацию экологической парадигмы топологической рефлексии.

В книге tematизированы такие концепты как «визуальная экология», «визуальное насилие» состоятельность которых фиксируется повсеместным обращением междисциплинарных исследователей, политиков, художников и просто осознанных граждан к проблемам энвайронментализма и устойчивого развития.

Валерий Савчук, диагностируя неотложность переосмысления «абстрактных идеальных схем, накладываемых на ландшафт, телесность, мотивы принятия решений» (С. 158), привлекает нас к «экологической и этической ответственности за топос» (С. 153), к поиску «общности интересов выживания одних и потребления других» (С. 156) в ситуации массового производства образов и объектов «индустриального платонизма». Устроение жизни по проекту модернистской рациональности и упрочнение массового взгляда, находит отражение в лозунге: «чем чище рефлексия, тем более загрязнена окружающая среда» (С. 159). Происходит загрязнение не только ландшафта, но и визуальной среды, «поскольку прямые линии, четко очерченные углы и любое однообразие противно природе в целом, и человека в частности, а посему создает агрессивную визуальную среду, ухудшает и тем загрязняет визуальное пространство, экологию видимого, производит насилие над потребностями человека жить в природной (родной ему, искривленной, не геометрически прямолинейной) среде, над его потребности в визуальном разнообразии» (С. 159).

Осмысление экологических проблем и проблем личной безопасности увязываются в книге с аналитикой природы на-

силия, терроризма, аутодеструктивного искусства и массмедиаальных стратегий. Потенциал метода топологической рефлексии раскрывается в рамках медиафилософии, позволяя указать на место локализации медиа: «медиа — внутри нас» (с. 13). Новые медиа «видят и чувствуют нами, нами воспринимают и нами же желают потреблять, втягивая в стерильную прогрессию общества потребления предметов все более одноразовых, продуктов питания все больше искусственных и модифицированных, взаимоотношений между людьми — все более дистантными и поверхностными».

Спротивление установившемуся медиальному режиму и смена «угла зрения» возможна: стоит перестать смотреть поверх топоса, а рискнуть выразить равнодушный взгляд «изнутри», быть внимательным, сочувствующим и ответственным к телу и месту. Акт топологической рефлексии — это процесс перманентных трансформаций, взаимного отражения субъекта и топоса. Практика топологической рефлексии многомерна, многократно и циклична, «поскольку производится каждый раз заново, внося коррективы исходя из изменения как рефлектирующего, так и объекта рефлексии, учитывая к тому же практическое воздействие на состояние места, исходя из результатов предшествующей рефлексии» (с. 157). Результатом топологической рефлексии являются концепты, «которые есть продукт в равной мере теоретического самопознания, и познания природы, и художественного обобщения, и эстетического опыта, и экологической и этической ответственности за топос» (с. 153), с необходимостью заверенные практикой выживания «в реальных условиях и обиходе с реальными предметами» (с. 156).

Топологическая рефлексия может стать практикой повседневности, меняющей стратегии отношения к природе, миру.

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ПАВЛОВИЧ Евгений Сергеевич / Evgeny PAVLOVICH

| О свинцовых гирих топологической рефлексии |

ПАВЛОВИЧ Евгений Сергеевич / Evgeny PAVLOVICH

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский государственный университет.

Философский факультет. Кафедра философской антропологии.

Аспирант. Научный сотрудник Исследовательского Центра медиафилософии.

Russia, St. Petersburg.

St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.

Department of Philosophical Anthropology.

Postgraduate student.

О СВИНЦОВЫХ ГИРЯХ ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Теория познания. Как известно, восходящее к Платону предствление о подлинном и неподлинном бытии после Аристотеля было предано забвению. До XX века считалось, что истинность и ложность — это свойства такой формы мысли как суждение, но уж никак не свойства бытия. Только в XX веке идея истинного и ложного бытия вновь обрела свою актуальность в философии Хайдеггера, в его разделении способов существования на подлинный и неподлинный. Истина, а точнее — процесс истинствования, в полной мере раскрывается лишь тому, кто держится подлинного способа существования. Позиция философа как художника, о которой не раз говорил Валерий Владимирович (в том числе в книге «Топологическая рефлексия»), на мой взгляд, также восходит к онтологической традиции понимания истины, продолжает её: философу, как и художнику, процесс порождения истины открывается настолько, насколько искренне, серьёзно и ответственно он проживает свою жизнь в данном топосе, здесь и сейчас. Философ, подобно художнику, заявляет: я абсолютно искренен, я вас не обманываю, я переживаю процесс порождения истины так, а не иначе, поэтому я чувствую и мыслю так, и по-другому почувствовать или помыслить этот процесс, по крайней мере, здесь и сейчас, в этом топосе, я не могу. Если это и может быть сделано, то не мной, а кем-то другим, не в этом топосе, не здесь и не сейчас. Это этический интеллектуализм Сократа и Платона, но наоборот. Так, согласно Платону, если я действительно знаю, что такое благо, то я никогда не буду творить зло, совершать дурные поступки, вести недостойный образ жизни. И, если я творю зло, совершаю дурные поступки, веду недостойный образ жизни, то в действительности я не знаю, что такое благо. В книге Валерия Владимировича обнаруживается похожий, но перевёрнутый, образ мыслей — это этический интеллектуализм наоборот: не знание истины гарантирует подлинность проживания, но, наоборот, из подлинности проживания следует знание истины. Подлинный способ существования — вот гарант создания подлинных, оригинальных и уникальных концептов. Являясь философом или художником, я создаю подлинные концепты, аффекты и перцепты только в том случае, если сам держусь подлинного способа существования — искренне, серьёзно и ответственно проживаю свою жизнь. Таким образом, критерии истины или подлинности обнаруживаются в этической сфере — в искренности, серьёзности и

ответственности проживания, а критерии правильного понимания открытой другим истины — в искренности, серьёзности и ответственности сопереживания. Все эти критерии, как мы видим, носят этический характер. Такие этические понятия, как искренность, серьёзность и ответственность, переносятся в теоретико-познавательную сферу и применяются в качестве критериев подлинности. О достоинствах и недостатках такого подхода можно спорить, но в своём докладе я бы не хотел затрагивать данный вопрос сверх меры. Сделаю только два замечания. Первое замечание состоит в том, что искренность, серьёзность и ответственность — это, пожалуй, единственный способ преодолеть тотальную иронию постмодернизма. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что они необходимы. Второе замечание заключается в следующем. Напомню, что у Давида Анахта и Иоанна Дамаскина среди определений философии есть такое: философия — это искусство искусств и наука наук. Это конъюнкция, а, как мы знаем, конъюнкция истинна тогда и только тогда, когда истинны все её конъюнкты. То есть только в том случае, если наша познавательная деятельность одновременно сочетает в себе черты искусства и науки, мы получаем философию. А философ как художник — это односторонний, летающий в облаках художественной фантазии персонаж. На мой взгляд, предлагаемые Валерием Владимировичем критерии истины работают в искусстве, поскольку художник всегда может сказать «Я так вижу!» или «Я так чувствую!», а так же в философии в той мере, в какой философ выступает как художник и говорит что-то вроде: «Я так мыслю! А если это можно помыслить как то иначе, то в другом месте, в другое время и будучи другим человеком». Однако, в той мере, в какой философ выступает как учёный, подобная стратегия даёт сбой, она обнаруживает свою недостаточность: искренность, серьёзность и ответственность могут уберечь нас от обмана, то есть от намеренного введения других людей в состояние заблуждения, но от непреднамеренного заблуждения они не оберегают. Так, можно искренне, серьёзно и ответственно полагать, подобно древним, что земля плоская и круглая, а не шарообразная, или что это солнце кружится вокруг земли, а не земля вокруг солнца, однако, всё это будет заблуждением. Поэтому хотелось бы иметь под рукой какие-то другие критерии подлинного знания, помимо искренности, серьёзности и ответственности проживания. На-

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETANY

| Катастрофы сближения |

деюсь, что свинцовые гири топологической рефлексии всё-таки спустят нас с небес на землю, прочно привяжут к реальности места непосредственного проживания и не позволят впредь надолго задерживаться в облаках художественной фантазии.

Уникальный образ мыслей создаёт универсальные концепты. Некоторые спрашивают: зачем писать, как швабы, как Хайдеггер, как Гегель? Ответ прост: чтобы концепты были универсальными. А универсальность концептов определяется уникальностью места их производства.

Теперь позволю себе перейти к политической топологии. Если взять радикалов — левых и правых, то между ними, казалось бы, нет ничего общего, никакого согласия, они буквально готовы убить друг друга, исходя из классовых, экономических, политических, идеологических, этнических и прочих противоречий, чем успешно и занимаемся. Но кое-что общее всё-таки можно найти, если исходить из топологической рефлексии. Это общее суть общность места: места мысли, места экономического, политического, экологического и другого действия. Риторика правых всем хорошо известна: это риторика почвы, крови, родной земли. Обратим внимание на риторику левых радикалов. На что она направлена? Она направлена на отставание автономии места непосредственного проживания, на его защиту от силовых линий централизации, которая, как известно со времён Бакунина, является одной из основных характеристик государства. Единственное, что объединяет и тех и других, — это, пожалуй, любовь к малой родине, любовь к непосредственному месту проживания, забота о нём. Но проблема заключается в том, что каждый понимает эту «заботу» по-разному и делает из общности места непосредственного проживания прямо противоположные выводы. Последнее, скорее всего, является конвенционным выражением противоречий разворачивающихся

внутри самого топоса. Итак, краеугольным, коренным, радикальным моментом как для правых, так и для левых радикалов является общность места.

Далее. Что касается глобализации. Замечу, что забота о непосредственном месте проживания — забота о состоянии окружающей среды, об экономическом процветании региона, о психофизиологическом благополучии людей, которые в нём проживают, — не противостоит всемирно-историческому объединению людей. Просто глобальные процессы, пересекаясь через работу новых медиа с локальностью того или иного топоса, каждый раз преломляются своеобразным, уникальным для этого места образом. В зависимости от топоса глобализация различается внутри самой себя: одно дело — глобализация, какой мы её видим в Санкт-Петербурге, и другое дело — глобализация, какой её видят жители Москвы, Владивостока, Пекина, Лондона или Нью-Йорка. Таким образом, не стоит бояться унификации или стерилизации в процессе всемирно-исторического объединения, ибо уникальность места совершенно определённо будет препятствовать унификации, своеобразно её преломляя.

Наконец. В своей книге Валерий Владимирович отмечает, что все известные на данный момент виды рефлексии — эмпирическая рефлексия, логическая, трансцендентальная, абсолютная, романтическая, модернистская, постмодернистская — включаются в рефлексивную топологическую. От себя добавлю, что топологическая рефлексия в силу своей уникальности вбирает в себя не только те виды рефлексии, которые уже были изобретены, но и те, которые ещё только будут созданы. Поэтому новые виды рефлексии, если они есть, если их вообще возможно ещё найти или создать, следует искать и создавать, опираясь на топологическую рефлексивность.

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETANY

Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Философский факультет. Кафедра философской антропологии.
Научный сотрудник Исследовательского Центра медиафилософии. Арт-критик.

Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.
Department of Philosophical Anthropology.
Scientific Secretary.

КАТАСТРОФЫ СБЛИЖЕНИЯ

Быть может предшествующие современности «гуманитарные» завоевания — упорядоченность различного рода кодексов, медитативная сосредоточенность позитивной или критической дискурсивности, чеканный ритм внутреннего чувства, иными словами дисциплина ума и воли — до сих пор являли собой не более чем тоску по нашей животной, все ещё чтимой сакральной, природе. Ностальгия выливается в предвосхищение гармонии, которую современный капитализм строго-назидательным жестом преобразует в экологическую ответственность. Рекреационные пространства — загородный парк,

океанариум, кабинет психоаналитика, ... кладбище — дозируют эту гармонию, преобразуя требования равновесия систем во внутреннее чаяние урбанистического сознания и тела. Язык мускулов, на котором учат говорить спортзалы — будто бы возвращает природную упорядоченность телу, дорожки парка и кладбища возвращают мысль из рассеяния к предельной концентрации, психоанализ обременяет память событиями. Экстатическому существованию полагается предел, инфинитизмальным векторам новоевропейского ratio — экзистенциальные ландшафты. Однако следует помнить о том, что

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА / DIGITAL CULTURE

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETYANY

| Катастрофы сближения |

человеческое существование определяется лишь тягой к расщеплению ставшего. Теоцентрическая размерность ойкумены сущего, равно как и предельно обостренное в эпоху Нового времени чувство горизонта, полагали трансценденцию в основании человеческого существа. ореол исключительности виделся исходя из имманентной погрешности в системе экзистенциальных координат. На этом фоне стихия животного существования — механистическая мысль Декарта и Ламетри не теряет актуальности — представляет собой не более чем уникальную для каждого вида сумму реакций. Тоталитаризм экземплярных форм действует здесь более строго, нежели в «теологии» Платона или в естествознании XVIII века. В конечном счете, пределом топоса для животного является та граница, за которой живое переходит в мертвое, а потому чувство потустороннего, изнанка топического — умение извращать и быть извращенным, но вместе с тем и напряжение топической адекватации остается привилегией не рефлекса, но рефлексии. Священный союз капиталистической мифологии и экологических жестов чистой воли на гербе которого красуется животное — этот символ заботы, гармонии, но также и жертвы, неизбежно терпит крах, как только мы обнаруживаем за речью, приговаривающей к месту («Знай свое место!»), место откуда исходит речь. Там на изнанке мира, откуда велась речь богов, если бы нам только действительно удалось дойти до предела в своих изысканиях мы, как это однажды заметил Жан Кокто, обнаружили бы наших богов в страхе и слезах молящихся своим богам, напроць нам чуждым.

В этом смысле топологическая рефлексия, представляет собой катастрофу сближения, от которой мысль до сих пор отделялась лишь отговорками; информация как мера упорядочивания ставшего была ее защитным рефлексом, а тщательные поиски собственного обоснования в прошлом — лишь индикатором бессильного отчаяния. Так античность — знаменитая формула «с каждым днем мы все больше становимся греками» при умелом обращении транскрипируемая в рецепт сильнодействующего успокоительного — до сих пор выглядит непробиваемым щитом. Уникальное чувство телесной сопряженности, пренебрежение временем, опыт границы — не они ли и

представляют собой необходимые элементы топологической рефлексии, не является ли именно полис той самой эталонной разметкой, которому еще и сегодня в муках уподобления пытается соответствовать информационное пространство? Но монолитное тело социума согласно уроку, преподаваемому нам Аристотелем, оборачивается за границей топоса опытом хафонического измерения: животные крики и поступь богов заглушают здесь всякие отзвуки рефлексии. Подобный запрет на смену территорий, или туман войны, окаймляющий скучные зоны мысли, предстали бы северо — гамлетовским рефлексивным интенциям бельмами смерти на очах души. *Media vita in morte sumus*. Нам — партизанам хтонического, привыкших балансировать дни и месяцы в состояниях измененного сознания, в предельных аффекциях высоких скоростей, греки показались бы, как это красочно выразил Освальд Шпенглер, чуждыми в большей степени, чем индийская архитектура и мексиканские боги.

Импульс топологической рефлексии не вращается в лабиринтах времени, он выражает топос актуально, для запечатления его взором (*theoros*) не подойдет ни глаз животного, во взгляде которого читается только немое безразличие, ни глаз грека, воспламеняющийся ужасом при одном лишь отблеске иного — бесконечно-длительного экстатического пространства, навсегда остающимся потусторонним греческой мысли. Исключительно чувство горизонта и претензию на его преодоление, объективируемые в моделях новоевропейского мышления опытом экспансии (расширение сферы гомогенного) и изнанки налично-данного (вскрытие «непристойной изнанки» ближнего) можно было бы поставить на службу мысли о контурах ее эманации. Топологическая рефлексия здесь сообщает неожиданную направленность мыслительным ходам нового времени: логика дальнобойного орудия, преобразуется в живую память о дистанции, логика «дальнодействующего письма» — в изымание тела из пытающихся рассеять его информационных потоков. Имманентная критика обрывает эйфорию левитации в самой точке забвения, пустое время насыщается событиями, молчание разрывается голосами вновь обретенного мира.

